

Подводя итог краткому рассмотрению особенностей и возможностей социологического метода в экономических исследованиях, можно сделать следующие выводы:

1. Социологическую и экономическую методологию принято противопоставлять, в то время как сложность объектов изучения обуславливает необходимость объединения различных способов понимания проблемы.

2. Традиционно под социологическими методами понимаются только методы сбора и анализа информации. Необходимо делать акцент на использовании социологических методов не только в узком, но и в широком смысле слова, отражающем непосредственную связь с социологической теорией. Такой подход позволяет определить понятие метода именно как *социологического*, т.е. обозначить его предметную область.

3. Междисциплинарная граница между социологическими и экономическими исследованиями может быть проведена на основе определения различия в методологических предпосылках и целях исследования, так как объекты исследования, методы, техника сбора и анализа информации являются во многом общими.

4. Необходимость и возможность применения социологической методологии для исследования экономики наиболее четко обоснованы в экономической социологии, рассматривающей экономическое действие как разновидность социального действия и определяющей его укорененность в социальных отношениях.

5. Именно признание социальной укорененности экономического действия отличает социологическую методологию от экономической. Понятие укорененности означает прежде всего наличие сущностной обусловленности экономического действия со стороны социальной и культурной среды.

6. Поскольку понять экономическое действие вне социального контекста невозможно, для изучения социального «контекста» необходимы специфические социологические методы сбора информации.

В целом можно подчеркнуть, что познавательные возможности социологических методов в изучении экономических явлений могут существенно возрасти, если будет определена и осознана их особенность, подчиненность принципам социологической методологии. Кроме этого, интеграция экономического и социологического методов позволяет получить системный синергетический эффект, который не может быть получен при механическом объединении лишь различных способов сбора информации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М., 1998. С. 53.

² Социологический энциклопедический словарь / Ред.-координатор Г.В. Осипов. М., 1998. С. 115.

³ Кравченко А.И. Социология для экономистов: Учеб. пособие. М., 2001. С. 335.

⁴ Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни: Очерки теории. Новосибирск, 1991. С. 18.

⁵ Радаев В.В. Еще раз о предмете экономической социологии // Экономическая социология. 2002. Т. 3, 3. С. 24. <http://www.ecsoc.msses.ru>

⁶ Там же. С. 23.

⁷ Автономов В.С. Человек в зеркале экономической теории. М., 1993. 320 с.

⁸ Полаanyi К. Экономика как институционально оформленный процесс // Экономическая социология. 2002. Т. 3, 2. С. 62. <http://www.ecsoc.msses.ru>

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 63.

¹¹ Радаев В.В. «Что такое экономическое действие?» // Экономическая социология. 2002. Т. 3, 5. С. 21. <http://www.ecsoc.msses.ru>

¹² Вебер М. Основные социологические понятия // Избранные произведения. М., 1990.

¹³ Радаев В.В. «Что такое экономическое действие?»

¹⁴ Гранновetter М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности // Экономическая социология. 2002. Т. 3, 3. С. 44–45. <http://www.ecsoc.msses.ru>

¹⁵ Там же. С. 50.

¹⁶ Meter K.M. van. Sociological methodology // International Social Science Journal. 1994. Febr. P. 15.

¹⁷ См., напр.: Озерникова Т.Г., Бахматова Т.Г. Исследовательские методы в маркетинге и социологии: Учеб. пособие. Иркутск, 2001. 107 с.

¹⁸ Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М., 1998. С. 37.

А.А. АТАНОВ

кандидат философских наук, доцент

ПОВТОРЕНИЕ В СИСТЕМЕ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Каиниты считали, что история есть круг и нет ничего, что не существовало бы в прошлом и не будет существовать в будущем. Они выры-

вали из контекста определенность, конструируя новый смысл как извращение имеющегося смысла. Для этого ссылались на Евангелие

от Матфея (6, 12): «Прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим» (11, 12), «Царство небесное силой берется», а также на «Первое послание Апостола Павла Коринфянам» (13, 12): «Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан». В их рассуждениях используется известный герметический принцип — то, что вверху, то и внизу. Из «Первого послания Апостола Павла» делались выводы о том, что все видимое нами является ложным. Из Евангелия от Святого Матфея — что на небо можно оказывать влияние. Всякий человек — это два человека, и истинный из них — тот, другой, на небе. Наши поступки отбрасывают неистребимое обратное отражение: всякий наш поступок на небе превращается в свою противоположность. Миру придет конец, когда исчерпается число его возможностей, и, поскольку повторений быть не может, праведник должен исключить (совершить) наигнуснейшие дела, дабы таковые не запятнали будущего и ускорили приход Царства Небесного. В каждом человеке должна совершиться история мира. Нет двух одинаковых мгновений — хочешь увидеть то, что не видели человеческие глаза, — посмотри на луну. Хочешь услышать то, что не слышали человеческие уши, — послушай крик птицы.

Апостол Павел в «Послании к Евреям» (9, 24–28) дает разъяснения по этому поводу: «Ибо Христос вошел не в рукотворное святилище, по образу истинного устроенное, но в самое небо, чтобы предстать ныне за нас пред лице Божие,

И не для того, чтобы многократно приносить Себя, как первосвященник входит во святилище ежегодно с чужой кровью;

Иначе надлежало бы Ему многократно страдать от начала мира. Он же однажды, к концу веков, явился для уничтожения греха жертвою Своею.

И как человекам положено однажды умереть, а потом суд,

Так и Христос, однажды принеся Себя в жертву, чтобы подъять грехи многих, во второй раз явится не для очищения греха, а для ожидающих его во спасение».

Но существует другая традиция, настаивающая на всеобщем характере повторения: Китс полагает, что чарующий его соловей — тот самый соловей, которого слышала Руфь, «бредущая по чужому жнивью».

Thou wast not born for death, immortal Bird!
No hungry generations tread thee down;
The voice I hear this passing night was heard
In ancient days by emperor and clown:
Perhaps the self-same song that found a path
Through the sad heart of Ruth, when, sick for home,
She stood in tears amid the alien corn.

Шопенгауэр выстраивает такую цепочку рассуждений: «Некая бесконечность предшествовала моему рождению. Так кем я был тогда? С метафизической точки зрения можно было бы сказать: я — всегда был “я”, иными словами, все, кто в то время говорил “я”, были мною... Если я скажу вам, что играющий во дворе серый кот — тот самый, который прыгал и проказничал пятьсот лет назад, вы вольны думать обо мне что угодно, но еще большая нелепость полагать, что это какой-то другой кот... Форма проявления воли — ни прошедшее, ни будущее, только настоящее; первые два существуют лишь для действия (и за счет развертывания) сознания, подчиненного рациональному принципу. Никто не жил в прошлом, никому не придется жить в будущем; настоящее и есть форма жизни»¹. Именно такой подход и позволяет связать повторяемость с длительностью, увидеть сущностные отличия и смысловую определенность активного и пассивного синтеза. Длительность оказывается над-временным основанием, общностью до-временного различия.

Установка Серена Киркегора на «повторение» весьма актуальна, в том числе для изучения процессов информационной организации. Но любопытно рассмотреть также и то, как Киркегор устанавливает преемственность своей концепции с концепцией орфиков, которую воспроизводит Платон в своих диалогах, указывая на то, что знание есть припоминание. Теперь цитата из «Повторения» Киркегора для иллюстрации: «...повторение есть исчерпывающее выражение для того, что у древних греков называлось *воспоминанием*. Греки учили, что всякое познание есть припоминание, новая же философия будет учить, что вся жизнь — повторение. Лейбниц был единственным из новых философов, угадавший это. Повторение и воспоминание — одно и то же движение, только в противоположных направлениях: воспоминание обращает человека вспять, вынуждает повторять то, что было, в обратном порядке, — подлинное же повторение заставляет человека, вспоминая, предвосхищать то, что будет. Поэтому повторе-

ние, если оно возможно, делает человека счастливым, тогда как воспоминание несчастным, если, конечно, человек даст себе время пожить, а не сразу, в самый же час своего рождения, постарается улизнуть из жизни под каким-нибудь предлогом, типа: прошу прощения, забыл кое-что прихватить с собой»².

Необходимо иметь в виду, что Киркегор, ссылаясь на древних греков и Лейбница, не совсем прав. Он исходит из психологических посылок, тогда как греки опирались на онтологическое основание, связанное с учением о бессмертии души. Причем у Киркегора это учение является эмоционально-индивидуалистическим. Преемственность концепции Киркегора с учениями греков относительна, связь здесь не действительная, а кажущаяся. В вербальном аспекте есть значительное сходство, но смысловое отличие весьма велико. Учение воспроизводится, однако смысловая наполненность возникает уже в системе другого мировоззрения, при этом ничего не говорится о переселении душ и бессмертии души. Тождественность здесь минимальна, хотя суть вроде бы совпадает, на самом деле моделируется совершенно иная система значений. «Одно» подводится под «иное» или связывается с «иным», в результате чего возникает динамика понятий, которая в состоянии фиксировать изменяющуюся реальность, в том числе определяемую в системе философских представлений. Понятие «повторение» может быть использовано в целях методологического синтеза, взятого в онтологической форме, для анализа действительности возможности, в том числе и при анализе информационного поля.

В утренней молитве к Пресвятой Богородице есть слова: «И избави мя от многих и лютых воспоминаний и предприятий, и от всех действ злых свободи мя». Здесь проводится абсолютное отождествление свершений и воспоминаний. Это совершенно другая модель мировоззрения. Повторение в этой системе взглядов просто невозможно. Каждое действие абсолютно уникально. Если мы сталкиваемся с тождественностью происходящего с произошедшим, то для понимания истинного смысла нам необходимо связать воспоминание с действием и тем самым реконструировать систему значений, значимости и оценок. Поэтому любое повторение в этой системе будет не более чем кажимостью. Онтологическая абсолютность выполняет совершенно другие функции, и использование

связанной с ней системы организации информации может привести к другому результату. Очевидно, что моделируется совсем иная парадигма действительности. Повторение позволяет описать возможность включения события в длительность, причем акцент делается не на временную определенность, а на качество данности. Информация в этом случае может выступать в качестве поля действительности. Определяя и выделяя качественные моменты в системе повторения, мы создаем образ действительности, который не регулируется сложившейся системой формальной логики и рациональности. Возникает качественная определенность информационного века.

В системе Фридриха Ницше одна из фигур утверждения — это идея Вечного Возвращения. Причем Ницше выражает Вечное Возвращение не гносеологически, а онтологически — это отнюдь не связующая и дающая смысл системе философии идея, а самая настоящая игра (игра в структуралистском понимании). Вечное Возвращение не конструируется Ницше логически, оно и есть сама жизнь и способ жизни. Во взглядах Ницше очень многое от досократиков. Философия досократиков выражает жизнь, а не конструирует ее, стремясь наделить смыслом. Вечное Возвращение означает победу случая. Любимый герой Ницше — Дионис. Бог, сотканный из противоречий и сам являющийся живым противоречием, бог случая, перехода и становления. Гераклит, выражавший взгляды, которые были связаны с орфической традицией и фиксировали воззрения посвященных в мистерии, говорит: «Путь вверх-вниз один и тот же», «Бессмертные смертны, смертные бессмертны, одни живут за счет смерти других, за счет жизни других умирают», «Аид тождествен Дионису», «Солнце правит космосом согласно естественному порядку, будучи шириной в ступню человеческую. Оно не преступает положенных границ, ибо если оно преступит должные сроки, его разыщут Эринии, союзницы Правды (Дике)».

Вечное Возвращение есть не что иное, как бытие становления, единое многого, необходимость случайного. Здесь мы можем видеть прямую связь с длительностью, но возвращение Того Же Самого и Вечное Возвращение могут быть даны не в длительности, а в структуре повторения, связанной с длительностью. Повторение оказывается необходимым моментом для выражения способов становления и их связи с конкретной реализацией в действи-

тельности. Длительность, связанная с повторением, дает поле для субъективной организации данности, возникает четкая определенность смысловых и онтологических структур, что позволяет говорить о характере воздействия на действительность.

Ницше очень четко отличает Вечное Возвращение от возвращения Того Же Самого: изменяется форма преобразования ценностей. Идеалом бы стало не рождение дионисоподобного сверхчеловека, а возвращение к старому и сохранение того, что может быть во времени. Тождество не предшествует многообразию. Возвращается не То Же Самое, так как возвращение и есть изначальная форма Тождества, которая лишь зовется становлением. То Же Самое не возвращается, единственное возвращение тождественно становлению. Здесь и закладывается методологический принцип новизны, становление возникает не как обращенность к старому и связь со старым, а как новое, которое никогда не существовало и не обладает никакой преемственностью, новое реализует себя в структурах повторения в рамках длительности не в отношении к прошлому, а в повороте к будущему.

У Прокла в «Первоосновах теологии»³ можем прочесть: «Все выступающее от чего-нибудь в смысле сущности возвращается к тому, от чего вышло... Чем обуславливается бытие для каждой вещи, тем же и благо, а чем благо — к тому прежде всего и стремление, а к чему прежде всего стремление, к тому данная вещь и возвращается» — сущность связывается с Благом, как говорится у Платона: «Если твоим уделом будет благо, то ты будешь счастлив». Благо есть единство объективного и субъективного, находящееся вне возможных различий. Благо и лично, и онтологично. «Все выступающее от чего-нибудь и возвращающееся имеет энергию круговую... Большие и меньшие круги принадлежат, с одной стороны, возвращениям непрерывно к лежащему выше, с другой стороны, к более высокому, и так до начала всего. Ибо все от него и к нему» — иерархия, но сопряженная с учением о круге и с учением о Едином, а также связанная с античным учением об энергии. «Все возвращается соответственно со своей природой, совершает возвращение к тому, от чего и получило восхождение для собственной реальности... Предметом стремления для всего является ум, и от ума все происходит, так что весь мир имеет сущность от ума, хотя и вечен. И в силу чего

он вечен, в силу этого он не происходит от ума, так как он, в силу чего вечно пребывает в устройении, в силу этого не возвращается к уму, но вечно происходит, и вечен по сущности, и вечно возвращается, и вечно неразрушим по своему устройению» — сущности не смешиваются и сохраняют свою природу. «Из всего умноженного, в связи с выступлением, первичное совершеннее вторичного... В самом деле, если выступления производят различения продуцируемого от продуцирующих причин и суть ослабления вторичного в отношении первичного» — выражается античное учение об эманации. «Из всего возникающего в связи с возвращением первичное менее совершенно, чем вторичное... Самое же крайнее — совершеннее всего... Возвращения происходят по кругу, и откуда выступление — от совершеннейшего, то, значит, и возвращение происходит к совершеннейшему» — здесь излагается не учение об эманации, а выстраивается сопряжение становления с возвращением, т.е. с измененным направлением движения. «Все сущее возвращается или только сущностно, или также и жизненно, или — и познавательно. Другими словами, или оно получило от причины только бытие, или вместе с бытием жизнь, или восприняло оттуда и познавательную способность» — совмещение характера причинности с характером вовлекаемых в движение причины сущностных отличий.

А.Ф. Лосев дает синтетическое определение становления, следующее из подробного анализа античных авторов: «Сущее одно есть сущее одно становления, непрерывно и сплошно становящееся одно сущее. Непрестанное становление и сплошность изменения непрерывно и неизменно расслаивает одно сущее, отодвигает границы и размывает отверделую форму, превращает в беспредельное. Иное, в котором обретается одно сущее и которое само, значит, становится одним сущим, из беспредельного становится пределом, вечно пребывая в этих тающих возможностях беспредельного и предела. Это — беспредельно становящийся предел и предельно оформленная беспредельность становления»⁴. Синтез сущего и не-сущего есть становление, течение, изменение»⁵.

Ницше, говоря о Вечном Возвращении, стоит на других позициях; если даже некоторые моменты, связанные с этим понятием, и встречаются у античных авторов, то не в столь ясной и конкретной форме; в философии

Индии учения о дхарме, сансаре и карме строятся на абсолютно других основаниях, которые не встречаются в европейской философии. Вечное Возвращение Ницше — это возвращение Всего. Но у Ницше Вечное Возвращение носит избирательный характер, причем дважды избирательный. В результате Вечного Возвращения нам дается автономный закон воли, свободной от всякой морали. Если я чего-то хочу, я должен хотеть это, как хочу Вечного Возвращения. «"Хотеть" освобождает — но как называется то, что и освободителя заковывает еще в цепи?»

“Было” — так называется скрежет зубовой и сокровенное горе воли. Бессильная против того, что уже сделано, она злобная зрительница всего прошлого.

Обратно не может воля хотеть; что не может она победить время и остановить движение времени, — в этом сокровенное горе воли»⁶.

Здесь желание должно становиться и становится абсолютным. Желание превращается в жизнь, оно и есть жизнь. Мысль становится жизнью, всей сущностью, полужелание здесь невозможно, «разочек» недопустим, нет никакой возможности отказаться от раз уже выбранного. Даже негативные человеческие качества превращаются в могущество утверждения. «Моя доктрина учит: “Живи так, чтобы тебе хотелось еще раз прожить свою жизнь, это твоя обязанность: ибо все равно тебе предстоит жить заново! Тот, для кого усилие образует высшую реальность, пусть силится! Тот, кто любит подчиняться, слушаться, идти за кем-то, пусть себе слушается! Но пусть и знает, куда ведет его выбор, и ни перед чем не отступит! Ибо дело тут идет о вечности!»

Эта доктрина мягка к тем, кто в нее не верит; в ней нет ада и угроз. Тот, кто не верит, почувствует в себе лишь убыль жизни»⁷.

Вечное Возвращение не только избирательная мысль, но избирательное бытие. Возвращается только одно утверждение, единственное, что может быть утверждено, только радость возвращается назад.

«Если некогда дыхание снисходило на меня от дыхания творческого и от той небесной необходимости, что принуждает даже случайность водить звездные хороводы, —

Если некогда смеялся я смехом созидающей молнии, за которой, гремя, но с покорностью следует долгий гром действия, —

Если некогда за столом богов на земле играл я в кости с богами, так что земля содрогалась и трескалась, изрыгая огненные реки, —
Ибо земля есть стол богов, дрожащий от новых творческих слов и от шума игральные костей, —

О, как не стремиться мне страстно к Вечности и к брачному кольцу колец — кольцу возвращения?

Никогда еще не встречал я женщины, от которой хотел бы иметь детей, кроме той женщины, что люблю я: ибо я люблю тебя, о Вечность! Ибо я люблю тебя, о Вечность!»⁸.

«Век — дитя играющее, кости бросающее, дитя на престоле». (Эон — ребенок, играющий в пессейю, ребенку принадлежит царская власть.) Ницше обыгрываются слова Гераклита, здесь действует его любимый герой Заратустра, который лишь учит о приходе Диониса, будучи пророком его, а не им самим. Все, что можно отрицать и что может отрицать, отрицается в своем движении, отвергаясь Вечным Возвращением. Вечное Возвращение есть не что иное, как самокатящееся колесо, оно гонит прочь все, что противоречит утверждению, оно уничтожает все формы нигилизма и реакции. Вечное Возвращение — вечная абсолютная избирательность сущего — и есть основание современной нам действительности. Отказ от многих традиционных представлений, отказ от истории. Взгляд не в прошлое, а в многообразное, множественное, изменяющееся будущее, данное как великое единство, собирающее все в себе, стирающее различия и открывающее новый мир. Созидается мир, построенный совершенно по-другому, мир, связанный преемственностью с прошлым, мир, открывающий новое качество жизни в иной определенности жизни. Творческое начало входит в мир, человек начинает меняться и сам не замечает, как оказывается в новом мире.

Не случайно Ницше называет Диониса вечным согласием бытия, сопряженным с вечностью. Дионис и есть тот Эон, та необходимость, которая творит случай. В учении орфиков утверждается, что Зевс хотел передать власть над миром Дионису, именно поэтому его разрывают на части титаны, когда Дионис был увлечен пляской Куретов. Дионис, сын Зевса, обладает божественными качествами, которые позволяют ему править миром или, более точно, ничем ни отличаться от мира, будучи господствующим принципом мира. Зевс превращается в мир и становится миром,

после того как он проглотил мир (Прокл. «Схолии к Гесиоду»):

Перворожденного мощь вместив тогда Эрикеепа,
Тело всего он имел во чреве своем во глубоком.
К членам своим примешал он божью силу и храбрость,
Вот почему с ним все вещи внутри Зевса сотворились.
И просторы эфира, и неба блестящего выси,
И беспредельного моря, земли всеславной основа,
И Океан великий, и Тартар земли преисподний,
Также и реки, и Понт безграничный, и все остальное,
Все бессмертные боги блаженные, да и богини,
Все, что было тогда, и все, чему быть предстояло,
Стало одно, во чреве Зевеса спилось воедино.

Дионис теряет силу, взглянув в зеркало. Прокл пишет: «Посмотрев в него и увидев в нем свое отображение, бог выступил из самого себя и изошел во все разделенное на индивидуальные вещи творение». В поэме Нонна читаем: «Порешили титаны Тартарийским ножом, когда он рассматривал в зеркале ложный образ». Происходит умножение сущностей, а значит, потеря и распыление сил, не собирание многообразного в едином, а исхождение единого во многое. После зеркала Дионису дали предметы, ставшие символами таинств Диониса: игральную кость (астргал), мяч, сосновую шишку (или волчок), яблоки, трещотку, клочок шерсти. Яблоки были не простые, а от Гесперид, т.е. устойчивая символика яблока дополняется совокупностью значений, связанных с божественными и титаническими манифестациями в мир, а также с системой значения, связанной с онтологическим конструированием края мира, по меткому замечанию М. Хайдеггера, «впускающего простора», где и растут эти яблоки. Все эти предметы указывают либо на множественность, либо на кажимость, служа источниками ложных образов, будучи предметами для игры, «как бы настоящими». Связывая себя с этими предметами, через вступление во взаимодействие с ними Дионис утрачивает свой первообраз, теряет свое единство, окончательно облекается во множество. Силы единства в нем не остается, и он гибнет от рук титанов. Стоит обратить внимание и на то, что титаны режут Диониса Тартарийским ножом. Тартару присущ эпитет «туманный». Из плоти растерзанного Диониса произошли люди, точнее, от копоты испарений пораженных молнией Зевса титанов, которые вкусили от плоти Диониса.

Вечное Возвращение через Диониса отправляет нас к единству и Единному, которое и есть Дионис. Случайное становится необходимым,

и наоборот, в образе Диониса и через образ Диониса они образуют единство, становясь Единным. Для логического и онтологического объяснения этих мифологических образов и символов достаточно прибегнуть к тезисам Прокла о становлении. Именно через орфическую мифологию и философию Гераклита достигается связь учения Ницше с воззрениями греков. Самобытный характер мысли Ницше о Вечном Возвращении придает иное значение трудам философов-досократиков. Интерес к досократической философии, который послужил хорошей базой для таких великих мыслителей, как Э. Гуссерль, М. Хайдеггер и многие другие, полностью изменил характер философии в XX в. Произошло то, о чем мечтал Ницше, стало возвращаться не То Же Самое, а стало действовать Великое Возвращение, связанное с волей, как единство Мысли и Бытия. Идея о возвращении Того Же Самого взывает к вечной повторяемости событий и указывает на цикличность истории. Идея эта не столь уж нова: Пифагор считал, что мир повторяется, созидаясь вновь, а человек связан бесконечной цепью смертей и рождений, лишь обращение к Единиче позволяет освободиться от вечного перерождения и успокоиться в вечном блаженстве абсолютного тождества. События же мира имеют тенденцию повторяться, и, как было сказано позднее, Платон вновь будет учить в Академии. Через возвращение Того Же Самого созидается вечный лабиринт времени, мы не в состоянии освободиться от дурной бесконечности, всякий раз происходит возвращение прежнего.

Стоики стояли на классической античной позиции, доминирующим началом считая Рок. А.Ф. Лосев говорит более жестко — *amor fati*. Он связывает это с тем, что для стоиков не существует никакой абсолютно-личностной гарантии в бытии, человек ничего не знает о реальном протекании бытия не в силу своей временной ограниченности, а в силу того, что о бытии узнавать нечего. Все можно узнать лишь после того, как произойдет событие. Да при этом можно ли сказать, что узнали? Все свершается независимо от человека и без учета положения человека в мире. Обетование надежды было дано человеку как дар, но Пандора сокрыла надежду (причем одинокую надежду — *sic*) в ларце, не дав ей возможности выйти на свободу — так думали древние греки. В их жизни господствовал фатум: достойно встретить предначертанное, ни на что не надеясь, —

в этом и состояла мудрость жизни. Миф концентрированно выражал дух эпохи. В таком мире настоящее смешивается с прошлым, а время не имеет никакого значения в мире, где правит судьба. Важно событие, а не его временная данность, ибо свершается то, что уготовано Роком. Очень часто думают, что античность и выражает возвращение Того Же Самого, но в действительности это не совсем так. Античное мировоззрение, несмотря на свои внешне жизнерадостные формы, глубоко трагично. Античность не знает бытия, где господствуют целостность и единство. Органичной связи мира вне Рока просто не существует.

Мы живем в совершенно другую эпоху, в которой «Предвечная Любовь не отвернется, пока хоть листик у Надежды бьется». Акцент делается не на Рок, а на спасение и милосердие. Ввиду этого и возникает возможность выбора, кардинально меняются ценности жизни. Не случайно в Средние века комедией называли произведение с хорошим концом. О грядущем конце человек античности подозревает, но он ни на что не надеется. Бо Цзюйи очень точно заметил:

Прошлые видятся смутно дела, все похоже на сон.
 Былые утехи поблекли, к истокам половина
 вернулась друзей.
 Опьянение печалит, слезы льются в весенние чаши.
 Песни горестны наши, сидим, приуныв,
 на рассвете при свете свечи. <...>
 Ты вернулся в циньские земли, из жарких
 пределов уехав.
 Я ж устремился к Чжунчжоу, в клубы
 жаркого дыма вступив.
 Если жизнь продлится, с тобою опять
 непременно увидимся мы.

Вот только где и в каком году — знаешь ли ты о том?

Великий китайский поэт выражает взгляды, вполне свободные от религиозного влияния, своего рода философскую рефлексю. Жизнерадостности и той великой Радости, которая и указывает на то, что вершится Великое Возвращение, тут нет. Большинство произведений китайской, японской и корейской словесности не оптимистичны и не могут называться комедиями в европейском смысле этого слова, возможно, и потому, что логический или онтологический конец в этих произведениях отсутствует. Господствует вечная длительность. Эти настроения присутствуют и в массовом сознании — достаточно прочесть любую народную сказку восточноазиатских народов, например «Повесть о старике Такэтори». Во

всех этих странах нормы социальной жизни определяют конфуцианство и даосизм, которые религиями назвать очень сложно. Буддизм имеет совершенно другую природу, но нужно иметь в виду, что буддизм Китая, Японии и Кореи весьма специфичен и распадается на множество сект и течений, которые отличаются именно национальной спецификой. Вечно-го Возвращения здесь нет. Очевидным становится наличие в западном мировоззрении христианских корней, без которых, пусть даже в отрицательном смысле (утверждение от отрицания основы), не могла родиться мысль Ницше о Вечном Возвращении.

Августин Блаженный освобождение от дурной бесконечности круга времени стоиков видит в подвиге Иисуса Христа. Круг является символом бесконечного замкнутого времени, а также символом вечности; изображалось это чаще всего в виде змеи, кусающей себя за хвост. Крест, покрывающий собой круг или вписанный в круг, структурирует круг, появляются периоды в бесконечности без начала и конца, вводятся четыре точки опоры, четыре точки отсчета. Это можно мыслить как совмещение квадрата с кругом, совмещение символа устойчивости с символом единства и вечности. Появилась возможность изменения через введение новой системы значений, связанной с введением в вечность смысла. Время становится совершенно конкретным; не случайно гностики в своих построениях использовали эон, который получил название Великого Предела и имеет крестообразную форму. Распростершись на нем, к Софии Ахамот обращается Христос.

Буддизм вообще не ставит вопрос о смысле и душе, в то время как Запад полностью занят поисками смысла, даже там, где его нет, причем бессмыслица может быть полностью упорядочена как полагание отсутствия смысла в смысловой реальности, происходит не отрицание, а отрицательное включение в основание возможности полагания. Но изменения в рационализм Запада были внесены средствами математического рационализма и математической логики. Из общеизвестных классических трудов мы можем назвать «детские» книги Л. Кэрролла. Мышление здесь уже не процедурное, а информационно-интуитивное, общее доминирует над частью, цель четко не детерминирована. Майя при таком подходе и есть сама реальность, и, постулируя ее через нее саму, посредством сознания и разума мы

и обретаем подлинный смысл. Буддизм стоит на противоположной точке зрения, в Майе нет никакого смысла, Мара — активное начало, которое создает иллюзии, мешая реализации подлинного смысла. По сути дела, имеет место перевернутая система значений, которая подчинена совершенно другому смыслу. Смысл дан вне системы европейской рациональности и понимается не в европейском значении этого слова. Смысл связан с другим представлением реальности, которая абсолютно не реальна для европейца.

У Томаса Манна в «Волшебной горе» есть определение, что человек, ведущий жизнь больного, есть только тело. Болезненность есть истончение телесного, но она также тело плюс еще что-то. Абсолютное здоровье тоже болезнь, так как у человека слишком велика тождественность с самим собой. Тело в этом случае слишком хорошо уравновешено с внешней средой. Одно соответствует другому, в результате нет никакой возможности для появления и проявления новизны, тождественность доминирует над различием. Болезнь изменяет образ действительности, раскрывая смысл по-другому. Как замечает Ж. Делез в «Ницше»⁹, для Ницше был характерен переход из здоровья в болезнь и наоборот, — своеобразные качели. Отсюда происходят возможные истоки понимания ограниченности человека и необходимость появления сверхчеловека. Но когда качели перестали работать, Ницше оказался не в состоянии сохранить себя в прежнем качестве. Его сумасшествие оказывается выходом из ситуации, возник новый способ взаимодействия с действительностью, находящийся за пределами словесного выражения. Болезненность — изысканное несоответствие себя себе, чувствование иного проявления «Я» в себе, «я» оказывается в тесной взаимосвязи с состоянием «Я», иное проявляется не через внешние формы, болезненность становится основанием для проявления иного в себе.

Повторение качественно различно: повторение в данности и повторение в структуре длительности. Все сущее стремится обратиться к началу, но начало — это особая точка референции, начало творится в любой момент времени, возможность удержать новое данное в отношении будущего и означает реализацию повторения в структуре длительности. Новое оказывается новым, старое — старым. В повторяемости не должно быть противоречия. Противоречие — способ движения

человеческой мысли, направленной на себя и на мир. При следовании за противоречием повторение превращается в раздвоение, тебя как такового уже нет — ты есть в себе и в своей мысли о себе. Подлинная целостность ускользнула. Мысль двинулась за нею следом, но погребла себя своим же способом действия. В области мысли возникают две идеи, которые противоречат друг другу, человек уже не одно, а два существа — либо ты относишься к вечности, либо к времени, пропасть различия преодолеть невозможно. Отсюда и разница обретаемых смыслов. Либо простая последовательность событий, либо над этой последовательностью можно возвыситься, но для этого раскрыв в себе иное, относящееся к вечности существо. Очевидность не позволяет это увидеть. Ведь где-то нужно найти «начало», из которого начинается движение не последовательностей, а преодоления последовательностей. Разница смыслов оказывается зависящей не от мысли, не от человека, не от бытия, не от значения, а от того, что ускользает от тебя, лишь намекая на себя. Найти скрывающееся начало и помогает повторение в структуре длительности, дается возможность удержания действительности и сохранения себя в этой действительности именно в системе действия и поступка. Реальность становится вполне человеческой и разделенной смыслом. Следуя за движением единства того и другого, мы можем присваивать формы и содержание действительности. Именно через повторение мы онтологически можем манифестировать будущее, длительность дает нам онтологическое основание становления, совмещение и того и другого позволяет нам обратиться к реальности происходящих процессов, причем не только к пониманию этих процессов, но и к воздействию на них.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шопенгауэр А. Мир как воля и представление // Соч.: В 4 т. М., 1993. Т. 1. С. 125–502.

² Киркегор С. Повторение. М., 1997. С. 7–8.

³ Прокл. Первоосновы теологии. М., 1993. 319 с.

⁴ Лосев А.Ф. Античный космос и современная наука // Бытие. Имя. Космос. М., 1993. С. 133.

⁵ Там же. С. 132.

⁶ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. [Гл.] 2. Об избавлении // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 5–237.

⁷ Он же. Воля к власти. Киев, 1994. 350 с.

⁸ Он же. Так говорил Заратустра. [Гл.] 3. Семь печатей // Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 5–237.

⁹ Делез Ж. Ницше. СПб., 1997. С. 16–19.